

АННА КАШУБА- ДЕМБСКАЯ *Жанетт Сухестов*

Из книги *Женщины и Шульц*

Перевод с польского и вступление Елены Барзовой и
Гаянэ Мурадян

Туфельки. Разноцветные, яркие женские туфельки, босоножки, кроссовки, кеды, ботинки и сапоги — красные, синие, зеленые, лиловые, белые и черные — на изумрудно зеленой траве. Они лежат всюду, по всему залитому июньским солнцем внутреннему дворику московского ЦДХ. А среди туфелек стоят, образуя круг, полупрозрачные стенды с выцветшими фотографиями женщин, одетых по моде 1930-х годов, и, словно призраки, окружают пюпитр с огромной книгой. У книги постепенно собираются люди. Невысокая, изящная молодая женщина в туфлях на шпильках выходит вперед, надевает тонкие белые перчатки, бережно открывает книгу на последней странице, как принято в еврейской традиции, и начинает свой рассказ. Она говорит по польски — негромко, ярко, эмоционально, делая паузы, выжидая, пока стоящая рядом переводчица переведет ее слова на русский. Все слушают, затаив дыхание. Женщина перелистывает страницы, показывает фотографии — и рассказывает...

...История начинается с последних минут жизни Бруно Шульца¹ — польского еврея из города Дрогобыча, учителя рисования и труда, писателя, опубликовавшего всего две небольшие книги — “Коричные лавки” и “Санатория под клепсидрой”, — но эти книги прославили его на весь мир; художника, создавшего множество необычных графических и живописных работ. Убитого 19 ноября 1942 года на улице дрогобычского гетто во время “дикой акции” гестапо. Легенда гласит, что он погиб, кормя последней пайкой хлеба подлетающих голубей — сознавая неизбежность того, что сейчас случится, и не имея возможности бежать... С этих последних минут со-

© ANNA KASZUBA-DEBSKA

© ЕЛЕНА БАРЗОВА, ГАЯНЭ МУРАДЯН. Перевод, вступление, 2018
Печатается с сокращениями.

1. Подробнее о Бруно Шульце можно прочитать в “ИЛ” (1996, № 8): специально для журнала замечательный литературовед и переводчик Борис Дубин (1946–2014) составил посвященную писателю подборку “Портрет в зеркалах”.

бытия отматываются назад, как в киноленте, прокручиваемой в обратную сторону. Биография Шульца прерывается рассказами о женщинах, сыгравших в его жизни особую роль: музы, подруги, возлюбленные. Сбывшееся и несбывшееся.

Так о чем эта книга? Казалось бы, очевидно: женщины в жизни известного писателя, избитая, где только не использованная тема литературных исследований. Но книга не только — и не столько об этом. Она — об исчезнувшей, погибшей, погубленной цивилизации. Гигантский культурный слой, расцветший, набравший силу в довоенной Польше. Культура идиш. Люди, получившие блестящее образование, находившиеся на пике творческой активности — или только начинавшие свой путь... Почти все они погибли в Катастрофе — и с ними погибло то, что еще не родилось, ненаписанные книги, стихи, картины. Непрожитая жизнь... Ностальгия по утраченному — и несбывшемуся.

Анна Плоцкер — молодая варшавская художница, на двадцать три года моложе Шульца, его последняя, платоническая, любовь, адресат самых нежных, поэтических писем, убитая в ноябре 1942 года в лесу близ Трускавца во время массового погрома.

Романа Гальперн — из литературно художественной варшавской среды, одаренная, получившая блестящее образование, свободно владеющая несколькими языками. Близкий друг Бруно Шульца, адресат множества писем. “Она — лекарство от любой беды и надежная помощница в оформлении всяческих документов и улаживании официальных дел... друг и наперсница, которой он доверяет свои беды, личные неудачи и усиливающуюся депрессию... Их знакомство продолжается три года, и обрывает его начало Второй мировой войны”. Ей удастся спасти сына, удастся выжить и даже найти работу по поддельным документам. Уже в самом конце войны, в 1944 году, кто-то узнает ее на улице и напишет донос в гестапо, что она еврейка. Ее расстреляют за несколько дней до освобождения Кракова.

Жанетт Сухестов — дальняя родственница Шульца, послужившая прообразом нескольких его графических работ. Красивая, сильная женщина, чья невероятная судьба достойна отдельного романа.

Мария Рей Хазен — блестящая пианистка из Лодзи. Среди ее друзей — Анри Барбюс, Ромен Роллан, Лев Бакст, Наталия Гончарова, Михаил Ларионов, Диего Ривера, Амедео Модильяни, Пабло Пикассо... Бруно Шульц искренне восхищается ею, бывает у нее в гостях, а она помогает ему, как может, своими контактами.

Рахеля Корн — поэт и прозаик, феминистка, социалистка, одна из редакторов журнала “Cusztajer”, посвященного культуре и искусству идиш. Шульц часто гостит у нее, беседует о литературе, ведет обширную переписку. В 1941 году, когда немцы уже входят в город, она бежит из Львова вместе с дочерью. Киев, Уфа, Ташкент, Москва — и снова Польша, а потом Канада. Из всей семьи после кошмаров Холокоста остаются в живых только она и дочь. Ее муж, мать и братья убиты.

Рахеля Ауэрбах — литератор и журналист, владеющая польским и идиш. Вместе с Рахелей Корн и Деборой Фогель — создательница и редак-

тор журнала “Cusztajer”. Ее мечта перевести Бруно Шульца на еврейский язык так и не сбудется из-за начала Второй мировой войны...

Дебора Фогель — философ, историк, литературовед и искусствовед, но, в первую очередь, — поэт и писатель. Муза и возлюбленная Бруно Шульца. Мать Деборы расстроила их помолвку, но в переписке с Деборой родился замысел первой книги Шульца — знаменитых “Коричных лавок”. В августе 1942 года она была убита вместе с мужем и маленьким сыном во время ликвидации львовского гетто...

Зофья Налковская — польская писательница, восхищавшаяся творчеством Бруно Шульца. Взаимное преклонение, короткий роман — и долгая дружба. Это она во время войны раздобыла для Шульца поддельные арийские документы, она — с помощью людей из Армии Крайовой — готовила его побег из дрогобычского гетто.

Казимера Рихтер — актриса, декламатор, блиставшая на польских сценах. Филолог и литературный критик. Она восхищается творчеством Шульца, коллекционирует его графику, помогает с поездкой в Париж...

Юзефина Шелинская — невеста Бруно Шульца, которая так и не вышла за него замуж. Преданная, верная, любящая, помогавшая ему во всем. Преподаватель польского языка и литературы, переводчик Кафки. Она пережила войну, но так и не оправилась от личной трагедии.

Эгга ван Гаардт — молодая художница, иллюстрировавшая книгу Шульца. Та, что помогла передать его письмо Томасу Манну, а затем нанесла ему смертельную обиду. Женщина, которой восхищались современники. Кто она? Свою биографию она сочинила сама. Сама придумала себе предков, герб, фамилию. За свою короткую жизнь создала огромное количество оригинальных работ, авторство которых было поставлено под сомнение после ее смерти. Загадка, миф...

И наконец, Генриетта Шульц, мать Бруно, которая навеки осталась жить в его книгах... Эти истории словно воссозданы заново, собраны буквально по крупицам в архивах. Это фотографии, образцы почерка, отрывки из писем...

...В залитом солнцем дворике ЦДХ изящная женщина закрывает книгу и заканчивает свой рассказ. Повисает молчание. Кто то из зрителей подходит поближе, женщина протягивает ему перчатки и жестом предлагает полистать книгу. Постепенно подтягиваются и другие желающие. Остальные бродят с бокалом вина по газонам, рассматривая разноцветные пары обуви, а мы идем знакомиться с Анной Кашуба-Дембской — художницей и писательницей из Кракова, автором арт-проекта “Шпильки”, для которого переводили ту самую, существующую пока в единственном экземпляре, книгу.

Все это было в июне 2013 года, на презентации “Шпилек” в рамках VIII Международного открытого книжного фестиваля. Свой проект Анна создала под влиянием графических работ Бруно Шульца, а основой литературной части стала ее диссертация. Созданный к 120-летию со дня рождения писателя, проект дебютировал в Дрогобыче — родном городе Шульца, магически преображенном в его книгах, графике и живописи.

Но почему женская обувь и откуда такое название, “Шпильки”? Среди дошедших до нас графических работ Шульца важное место занимает “Книга идолопоклонства”¹, основная тема здесь — Женщина-Идол и гротескно уродливые, карликовые фигурки мужчин у ее ног. Почти на всех сохранившихся гравюрах мы видим Женщину — воплощение Великой богини. Совершенное тело — и отмеченное печатью порока лицо. Ажурные чулочки, облегчающие стройные ноги, туфельки на шпильках — фетишизм, возведенный до уровня языческого ритуала, воплощающий в себе магнетизм и силу Эроса... Перестук каблучков на улицах провинциального Дрогобыча. Восхищенные возгласы и перешептывания. Приветствия, целования ручек... Ирреальный, зыбкий мир — мир, который скоро будет сметен и погибнет... Этот погибший мир Анна связала в своем проекте с нынешней реальностью. На траве лежат “туфельки”, подаренные нашими современницами, их “шпильки”: балетки, кроссовки, сапоги. На подошве каждой пары — штрих код, считав который, можно узнать, как выглядит женщина, которая ее носила. И тут — еще один символ: наклоняясь, чтобы считать этот код, мы сами словно совершаем акт поклонения вечной женственности и красоте.

Через несколько недель после выставки в ЦДХ мы снова встретились с Анной Кашуба-Дембской, на этот раз в Кракове, на Международном конгрессе переводчиков. Анна пригласила в гости Ксению Яковлевну Старосельскую и участников ее семинара, в том числе и нас. Постепенно зашел разговор о том, что книгу, существующую в единственном экземпляре для арт проекта, обязательно надо издать — сначала в Польше, а потом и в России. После презентации “Шпилек” в разных городах и странах Анне стали приходить письма, воспоминания очевидцев, прояснились дальнейшие судьбы тех, о ком не было материалов в архивах, встали на место новые детали мозаики. Мы сидели у Анны в мастерской, смотрели фотографии, копии документов — и книга с каждой минутой словно бы становилась все более и более реальной. Но работы предстояло еще много. Книга Анны Кашуба-Дембской “Женщины и Шульц” вышла в Гданьске три года спустя, в 2016 году. Расширенные, дополненные истории, прекрасные иллюстрации: графика Шульца, архивные фотографии, газетные вырезки. Когда книга сделана с любовью, ее приятно даже просто держать в руках. Изданием заинтересовалось издательство “Гешарим Мосты культуры”, первым открывшее творчество Бруно Шульца русскому читателю (“Коричные лавки” и “Санатория под клепсидрой” вышли в 1993 году в блистательном переводе А. И. Эппеля). Будем надеяться, что книга Анны рано или поздно выйдет на русском языке, а пока предлагаем вам историю Жанетт Сухестов.

1. “Книга идолопоклонства” Бруно Шульца — цикл гравюр, выполненных в 1920–1921 гг. редкой техникой клише-верр. Шульц сам переплетал гравюры в папки, от руки рисовал титульный лист и порой менял состав и порядок графических листов, а иногда варьировал и названия. Немногие сохранившиеся папки хранятся в Национальном музее Варшавы, в Ягеллонской библиотеке Кракова, а также в частных коллекциях по всему миру.

Еврейка — польская княгиня

Варшава 25.10. (тел. кор.¹) По сообщению прессы, отдел записи актов гражданского состояния в Пшигодзице (Дрогобычский повят) объявил о бракосочетании князя Владислава Михала Радзивилла и Жанетт Сухестов, работавшей до недавнего времени продавщицей в магазине в Дрогобыче. В этом не было бы ничего поразительного, если бы не факт, что панна Жанетт — еврейка.

Понедельник, 8 ноября 1937, "Gazeta Gdańska"

**Объявил о помолвке, не разведясь с предыдущей женой?
Князь "Рыжий" Михал обвиняется в двоеженстве
На княжеский титул и миллиардные поместья, унаследованные от двух аристократов, претендует
дочь еврейского резника**

Познань. Дело князя Михала Радзивилла, который хочет жениться на еврейке Жанетт Сухестов, урожденной Йенте Кранц, и усыновить ее восьмилетнего сына Исаака, приобретает криминальный характер. Прокурор окружного суда в Острове уже инициировал против князя Михала Радзивилла из Антонина, прозванного в аристократических кругах "Рыжим" Михалом, предварительное расследование о попытке двоеженства. Как выяснилось, князь до сих пор не оформил официальный развод со своей бывшей супругой и, несмотря на это, объявил в Пшигодзицком отделе записи актов гражданского состояния о бракосочетании с пани Сухестов. По ст. 197 УК это является преступлением, за которое грозит до пяти лет тюремного заключения. В настоящее время князь Михал Радзивилл находится за границей и, вероятно, еще ничего не знает. Князь Михал Радзивилл — брат известного политика князя Януша Радзивилла из Ольки, лидера польских консерваторов. Первый брачный союз князь Радзивилл заключил в 1898 году в Петербурге с Марией Бернардаки. Второй раз князь Михал Радзивилл вступил в брак в 1916 году в княжестве Лихтенштейн с Хоакиной Мартинес де Мединилья, маркизой де Санта-Сусанна, родившейся в 1896 году на острове Пуэрто-Рико. Их брак до сих пор считается действительным, и в Готском альманахе²

1. Телефонграмма от нашего корреспондента. (*Здесь далее — прим. перев.*)

2. Готский альманах (Almanach de Gotha) — генеалогический сборник, издававшийся ежегодно с 1763 г. до конца Второй мировой войны в немецком городе Гота. Альманах включал родословные росписи правящих домов и наиболее значительных родов титулованного (преимущественно медиатизованного) дворянства Европы.

нет сообщений о смерти второй супруги князя. Новая избранница князя Йента Жанетт Сухестов Кранц, дочь Йойны и Клары Кранцев, родилась в Стрые. Отец ее был ритуальным резником домашней птицы, зарабатывал мало, из-за чего Кранцувна росла в нищете и с ранних лет вынуждена была трудиться. Красота помогла ей сделать карьеру. Будучи продавщицей, она часто ездила в Берлин, и там получила место в магазине мелких резиновых изделий. В 1928 году она за прилавком познакомилась с одним из клиентов – состоятельным бориславским промышленником, евреем Беньямином Сухестовом. Йента приняла его предложение и из продавщицы сделалась директоршей. После свадьбы чета Сухестовов поселилась в Тустановице под Бориславом. Там появился на свет их сын, получивший после обрезания имя Исаак. Через восемь лет Сухестов [sic!] бросила мужа и поселилась в Кракове. Что послужило тому причиной – неизвестно, однако точно известно, что пан Сухестов продолжал поддерживать контакт с женой. В 1937 году красавица еврейка познакомилась в Монтекатини с князем Радзивиллом, который решил заключить с ней брачный союз и дать маленькому Исааку княжеский титул и фамилию Радзивиллов.

Катовице, пятница 12 ноября 1937, “Ilustrowany Dziennik Śląski, Polska Zachodnia”

Радзивилл отписал пани Сухестов полмиллиона

Калиш. Князь Радзивилл оформил завещание в размере 500 000 злотых в пользу своей будущей жены п. Сухестов. Завещание было подписано в присутствии местного нотариуса п. Карпинского.

Среда, 8 декабря 1937, “Orędownik Ostrowski”.

Невеста князя Радзивилла приняла “крещение” в Национальной церкви¹

Еврейка пани Сухестов, невеста князя Михала Радзивилла, последнее время находившаяся с князем в Варшаве, перешла в лоно Национальной церкви, канонически подчиненной Православной церкви. В метрических книгах прихода Пресвятой Богородицы

1. Польская национальная православная церковь (ПНПЦ) была создана в Польше в 1926 г. в ходе движения за присоединение нескольких католических приходов к православию и просуществовала вплоть до начала немецкой оккупации (1939). В состав ПНПЦ входили 6 приходов, в которых служили 5 священников, окормлявших несколько тысяч прихожан. Совершалась римская литургия без прибавления в Символе Веры “Filioque”, сохранялись западный календарь и пасхалия.

произведена запись следующего содержания: “В городе стольном Варшаве в приходе Польской национальной православной церкви под покровительством Пресвятой Богородицы дня 30 ноября в 16.00. Юдита Жанетт Сухестов, дочь Йонаша, 35-ти лет от роду, проживающая в Антонине близ Острува-Велькопольского, в присутствии двух дееспособных свидетелей <...> объявила нам, что родилась во Львове 1 февраля 1902 года в 2 часа ночи в законном браке супругов Кранц, Йонаша и Клары, урожденной Штейнбах. Принявшей святое крещение <...> были даны имена Жанетт Ядвига. <...>

Венчание должно было состояться также в Национальной церкви. Тем временем обрядом крещения заинтересовалась православная консистория, обнаружившая, что крещение проведено с нарушением канонических предписаний церкви, поскольку было совершено 30 ноября без согласования с церковноначалием, а прошение п. Сухестов подала в консисторию 2 декабря, то есть постфактум. Вследствие этого метрическая книга польского национального прихода опечатана, а отец Вуец временно запрещен в служении.

* * *

Эта чудесная, почти сказочная история любви Золушки и принца, Красавицы и Чудовища, Сусанны и старца будоражит умы журналистов во множестве больших и малых городов Польши. Из приведенных выше фрагментов с первых страниц газет видно, что пресса активно обсуждает тему мезальянса польского аристократа и бедной еврейки из провинции. Быть может, эта история привлекает внимание широкой публики благодаря модному в те годы кинохиту студии “Сфинкс” – фильму “Прокаженная”, который выходит на экраны осенью 1936 года и собирает огромное число зрителей по всей стране. Очередная экранизация популярного романа Гелены Мнишек, душещипательная, трагическая история любви знатного магната Михоровского и скромной обедневшей дворянки Стефы Рудецкой, вполне могла послужить источником вдохновения для падкой на сенсации бульварной прессы.

Брак князя Радзивилла и еврейки из далекого Дрогобыча стал ударной газетной темой. Миллиардное состояние магната и нищета провинциальной продавщицы-еврейки. Классовые барьеры, разные исповедания, неприятие со стороны богатых родственников, старость и красота.

* * *

Известная всем и каждому, сенсационная, электризующая общественное мнение история – находит ли она отклик в Дро-

гобыче Бруно Шульца? Сплетничают ли там об означенной дробычанке?

Просматривая довоенную периодику и находя в ней множество статей, посвященных мезальянсу князя и прекрасной еврейки из Дрогобыча, я задаюсь вопросом, занимает ли столь сенсационный любовный сюжет дебютировавшего в тот же период автора “Коричных лавок”, о котором тоже много писали в литературной прессе. Думаю, что да. Поклонник красивых женщин, рисующий их обнаженными, Шульц не может обойти вниманием пани Сухестов, о которой столь широко вещает пресса. Связывает ли их нечто большее? Это я попробую показать ниже.

Личность Жанетт меня заинтриговала. Я пыталась себе представить, какая она, эта еврейка Йента, описываемая ехидствующими журналистами. Долго искать не пришлось. Портрет элегантной Жанетт Сухестов обнаружился в Национальном цифровом архиве.

Я смотрю на интересную женщину в изысканном темном атласном платье с короткими, с буфами, подшитыми в складку рукавами. Затейливый, слегка присборенный треугольный вырез; вертикальный ряд пуговиц, обтянутых той же тканью. Талия перепоясана легко и изящно. На голове модная темная шляпка, сдвинутая вправо, украшенная длинными птичьими перьями. На руках — черные перчатки до локтей, с ажурными прорезями. Модель из парижского журнала, выполненная на заказ умелым портным.

Ухоженное лицо. Аккуратно выщипанные брови, кокетливый прищур глаз, чуть приоткрытый рот, подведенные помадой полные губы, ровные белые зубы. Выражение лица и поза, как у современной модели.

Жанетт на этой фотографии напоминает недоступных и высокомерных женщин с рисунков Бруно Шульца, особенно из “Книги идолопоклонства”.

Встречаются ли они на улице? Просит ли он ее позировать? Становится ли она объектом его воздыханий и художественного вдохновения? Какие их могут связывать отношения?

Скандалная женитьба польского аристократа на дрогобычанке, о которой пишет и польская, и западная пресса (голландская “Het nieuws van den dag”, нью-йоркская “Brooklyn Daily Eagle” и “The Kentucky Jewish Chronicle”), конечно же, не может не привлечь внимание Шульца.

Так кто же она, Жанетт Сухестов?

Акт о рождении, обнаруженный в Центральном историческом архиве, свидетельствует, что ребенок женского пола с

двойным именем Юдит-Жанетт появился на свет 1 февраля 1902 года в Знесень, дом номер 200. Ребенок незаконнорожденный: в графе “имя и фамилия отца” оставлено пустое место. Ниже, в графе “имя и фамилия, сословие и место жительства матери, а также имя и фамилия, род деятельности и место жительства ее родителей” читаю: “Клара Кранц, проживает вне брака с Йонашем Сухестофом, токарем в Знесень, дочь Файги Кранц”. Подписано двумя свидетелями: Давидом Кельманом, портным, и Максом Вайнсбергом. Акушерка, которая помогла девочке прийти в мир, зовется Хана Корн.

Должна признаться, акт о рождении меня несколько обескуражил. Он полностью расходится с тем, что писали цитировавшиеся выше газеты. Юдит-Жанетт родилась не в Стрые или Жолкеве, как утверждается там, а в львовском районе Знесень. Ее отец — не ритуальный резник Кранц, а токарь Йонаш Сухестоф. А вот то, что младенец незаконнорожденный, как раз не удивляет. В еврейских семьях случилось, что союз в государственных учреждениях не регистрировался: первоочередное значение имел религиозный брак. Зато удивляет, что взрослая Жанетт Сухестов называет при крещении имена родителей и материнскую фамилию Кранц, а не фамилию отца — Сухестоф, — фигурирующую в ее свидетельстве о рождении. Быть может, она не хочет будоражить общественное мнение и еще пуще разжигать скандал из-за того, что Бенъямин, ее бывший муж, состоит в близком родстве с Йонашем, ее отцом?

Раннее детство Жанетт проводит с матерью и братом Густавом, который старше ее на два года, во Львове. Там она живет, по крайней мере, до 1906 года, когда на свет появляется младший, самый любимый ее брат Эммануэль (именно так потом назовет Жанетт своего единственного сына). Из документов, которые я нахожу, следует, что к 1918 году — за полтора десятилетия — Йонаш из токаря в Знесень превратился в коммерсанта во Франкфурте-на-Одере. Он едет туда на работу. Курсирует между Франкфуртом и родным Львовом. Наконец, около 1906 года, забирает к себе семью и заключает брак с Кларой, матерью своих детей. А значит, Жанетт вместе с родителями и братьями проводит детство и отрочество во Франкфурте-на-Одере и там посещает школу, овладевая в совершенстве немецким языком. Продает ли она резиновые и текстильные изделия в магазине, как сообщает пресса? Сомнительно. Скорее получает хорошее образование. Как и ее братья, которые впоследствии будут жить в Париже, Жанетт свободно владеет французским. Играет на рояле, поет, посещает салоны.

Довоенная польская пресса представляет Жанетт не в лучшем свете. Мне хочется узнать о ней больше, и я начинаю с поисков корней.

Сухестовых я обнаруживаю в списках жителей Львова, Дрогобыча, Борислава, Вены, Франкфурта, Парижа, Лондона и Нью-Йорка. У семьи много ветвей, и все они очень легки на подъем — по несколько раз в течение жизни меняют места проживания. Впрочем, все они происходят от одного корня, связаны между собой родственными узами и в бизнесе, очевидно, тоже держатся вместе. В семейной генеалогии кружится карусель фамилий Сухестов, Зуссман и Кухмеркер. Все они из года в год неизменно принадлежат к числу нефтяных магнатов польской Пенсильвании — бориславско-дрогобычско-тустановицкого округа. (Стоит отметить, что в начале XX века этот регион лидирует в мировой добыче нефти, а польские эмигранты, вооружившись приобретенным здесь опытом, ищут счастья за океаном.) Семейные деловые связи необычайно сильны. В международной сети фирм находится место каждому родственнику, близкому и дальнему. Так юная Жанетт получает работу в венском бюро компании “Сухестов и К^о” — по всей вероятности, в качестве ассистентки шефа, кузена ее отца — и ее будущего мужа. Что интересно, еще в декабре 1928 года, а следовательно, уже будучи замужем, она подписывает документы фамилией матери — Кранц.

Жанетт красива, элегантна, блестяще образованна, всегда со вкусом одета. И ее очаровывает Бенямин Сухестов — человек, который годится ей в отцы, один из богатейших людей Галиции. Как он нажил такое состояние?

* * *

Бенямин Сухестов старше Жанетт почти на четверть века, и, когда просит ее руки, он уже вдовец. Позади у него долгая, насыщенная, не всегда беззаботная жизнь.

Он родился в 1875 году в семье торговца Липе Сухестова и Перли, урожденной Зуссман, в маленьком поселке Подбуж, в двадцати километрах от Дрогобыча. До окончания Первой мировой войны Подбуж принадлежал Австро-Венгерской империи, в межвоенный период — Польше.

Отец Бенямина, Липе Сухестов, — коммерсант. Мать, Перля, — дочь торговца нефтью Зуссмана. У Липе и Перли много детей. Бенямин и его братья Иуда, Габриэль, Абель, Генрик и Саул с малых лет проявляют энергию и деловую хватку. Родители могут себе позволить отправить всех детей в школу и дать им высшее образование. Дети учатся в столице Австро-Венгрии Вене и в Париже на инженера. Они составляют прочную семейную общину и проявляют немалую креативность.

Благодаря изобретательности, находчивости и блестящему образованию братья Сухестов из провинциального Подбужа становятся европейскими финансовыми магнатами. Двоих из них, Бенямина и Генрика, объединяют, похоже, особенно тесные связи. Их жены, сестры Лаура и Аделя, — дочери богатого директора дрогобычского нефтеперерабатывающего завода “Галиция” Генрика Кухмеркера, племянника матери Бруно, Генриетты Шульц. А значит, они состоят в близком родстве и с Бруно Шульцем.

* * *

Мать Бруно Шульца росла вместе с отцом Лауры и Адели, Генриком Кухмеркером. В память о детской дружбе Генрик дал своей первородной дочери имена своей тети Генриетты Гендель (полное имя его дочери Лаура Генриетта Лея Гендель). В 1899 году Лаура вышла замуж за Бенямина Сухестова. Она родила ему троих детей. Семья Бенямина и Лауры живет в Дрогобыче, на улице Самборской, в роскошной вилле, достойной нефтяного магната. Именно к ним — не раз и не два — заходит маленький Бруно вместе с братом и матерью Генриеттой на чай и семейные посиделки.

В 1907 году умирает младший сынишка Лауры, двухлетний Леон, а осенью 1918 года — и сама Лаура. Восемнадцатилетний Марьян и пятнадцатилетняя Отилия остаются сиротами. Быть может, горечь утраты, память места приводят к тому, что семья Бенямина переезжает с Самборской на улицу Мицкевича, поближе к центру города. Отилии, лишенной материнской ласки, придется как-то оправиться от трагедии и быстро повзрослеть. Ее будут опекать лучшие гувернантки, нанятые богатым отцом. Не она ли, печальная кузина Отилия, стала прототипом Бианки из повести Шульца “Весна”?

Бианка знает все. И не трунит над своим знанием, ибо оно серьезно и исполнено печали, и губы сомкнуты над ним в линию совершенной красоты, а брови прорисованы со строгой аккуратностью. Нет, знание для нее не повод к снисходительной вялости, к мягкости и распущенности. Совсем наоборот. Как если бы истине, в которую всматриваются ее печальные очи, можно соответствовать лишь неотрывным вниманием, лишь скрупулезнейшим соблюдением формы. В этом безошибочном такте, в этой лояльности по отношению к форме — целое море грусти и страдания, которое с трудом получилось превозмочь¹.

1. Бруно Шульц. Санатория под Клепсидрой. Перевод А. Эппеля.

Литературная Бианка в белом платье, бледная и печальная, напоминает шестнадцатилетнюю сиротку Отилию Сухестов. Бианка, прогуливающаяся в парке под бдительным оком гувернантки, так же одинока, как и Отилия, оставленная на опеку во время заграничных поездок отца. Бианка, которая в ландо, как в “белой... шелковой раковине... почти утопала в волнах белого фуляра, сидя рядом с господином в... белой пикейной жилетке”, подобна Отилии в дорогом авто, которое в Дрогобыче может себе позволить один лишь Бенъямин Сухестов. Литературная Бианка жила на вилле, окруженной забором:

Я разведал всю территорию вокруг майората. Несколько раз обошел обширное это место, обнесенное высоким забором. Белые стены виллы с ее террасами и просторными верандами являлись мне во все новых ракурсах. За виллой тянется парк, переходящий затем в бездеревную равнину. Там стоят странные постройки: полуфабрики, полуфольварки. Я заглянул в щель забора и то, что увидел, было, надо полагать, обманом зрения. В разреженной зноем весенней погоде видятся порой объекты далекие, отраженные мильями дрожащего воздуха. <...>

В тишине серого этого дня только мелово-белые стены виллы изъяснялись беззвучной, но выразительной элоквенцией богато члененной архитектуры. Ее легкое красноречие осуществлялось в плеоназмах, в тысячных вариантах одного и того же мотива. По нестерпимо белому фризу влево и вправо, нерешительно замирая по углам, шли в ритмических каденциях барельефные гирлянды. С высоты средней террасы, меж поспешно расступившихся балюстрада и архитектурных ваз, патетически и церемониально сбегала мраморная лестница и, широко перетекши к земле, казалось, присобирала и отводила за спину свои взвихренные одежды для глубокого реверанса. <...>

Я изучил сегодня виллу вблизи. Несколько недель ходил я мимо искусно кованных монументальных ворот с гербом. Я воспользовался моментом, когда два больших пустых экипажа выехали из сада. Створки ворот остались широко распахнуты. Никто их не затворил. Я вошел небрежной походкой, достал из кармана блокнот для эскизов и, опершись о воротный столб, сделал вид, что рисую какую-то архитектурную деталь¹.

Литературовед и исследователь творчества Шульца, профессор Владислав Панас из люблинского Католического университета определил локализацию виллы Бианки в топогра-

фии Дрогобыча. Теперь в здании, которое называется “вилла Бианки”, действует Дрогобычский городской музей. Прежде, после войны, там несколько десятилетий размещалась больница. Я побывала в этом городе в 2012 году с авторской выставкой, посвященной женщинам Шульца. Двухэтажное строение рубежа веков, богато украшенное, с огромной террасой с балюстрадой, арочными окнами, четкой линией белого карниза и крыши, увенчанной каменными вазонами. Внутри сохранились великолепные изразцовые печи. Дом спроектирован на манер дворца. Именно это место описано в книге Генрика Гринберга “Дрогобыч, Дрогобыч” по воспоминаниям дрогобычанина Леопольда Люстига:

Там, где заканчивалась улица Мицкевича и начиналась Ивана Франко, стояла вилла Сухестова, который владел гидроэлектрическими насосами и снабжал водой все нефтеперегонные заводы. Сухестов ездил на лимузине, играл на саксофоне и платил моей тетке Тоне, чтобы она аккомпанировала ему на фортепиано.

После войны улицы сменили названия, но локализация виллы осталась неизменной, и я рискну вслед за профессором Панасом утверждать, что это именно та самая белая вилла из повести Бруно Шульца “Весна”. Отилия – Бианка, Отилия – инфанта, правда, наследница не королевского рода, а огромного имущества своего отца. Через несколько лет после смерти ее матери в этой вилле появится новый персонаж – троюродная кузина Отилии Жанетт, которая всего на два года старше своей падчерицы. Бенъямин привезет ее сюда из далекой Вены.

* * *

Что объединяет Бенъямина и Жанетт? Быть может, общая страсть к музыке? Богатый меломан безоглядно влюбляется в девушку с красивым голосом, очаровательной улыбкой и выразительными глазами. Вдовца не останавливают ни разница в возрасте, ни близкое родство, ни то, что его дети – почти ровесники новой избранницы. Пятидесятидвухлетний Бенъямин Сухестов просит руки и сердца женщины, которая моложе его на двадцать семь лет. На свадебном пиру не могло не быть ближайших родственников, и в их числе наверняка Бруно Шульц. В 1928 году появляется на свет единственный сын Жанетт и Бенъямина. Ему дают имя младшего брата матери – Эмануэля. Дома его будут ласково называть Эдей. Уже упоминавшийся выше доктор Люстиг на страницах книги “Дрогобыч, Дрогобыч” рассказывает: “Он женился на своей секретарше Жанетт, красивой немецкой еврейке, кото-

рая была намного его моложе. Он боготворил ее и все ей позволял...”

[232]

ил 4/2018

Это действительно так. Беньямин, без памяти влюбленный во вторую жену, не жалеет денег на изысканные наряды, дорогие меха, шляпки, чулочки и туфельки на каблуках. На всех сохранившихся снимках Жанетт выглядит очень элегантно. Стильная, одетая по последней парижской моде. Такой знают ее дрогобычане, такой ее видит Бруно Шульц.

Связь пожилого мужчины с молодой женщиной вписывается в тему его графики. Молодая женщина и мужчина, лежащий у ее ног. Мотив, веками присутствующий в живописи. Библейская Сусанна и старцы. Жанетт вполне могла бы олицетворять легендарную Сусанну, за которой похотливо подглядывают пронирливые журналисты.

Через семь лет после рождения Эди брак Сухестовых переживает кризис, который завершается расставанием. В 1934 году Жанетт уходит от мужа и переезжает в Краков. Она живет на алименты и может себе позволить часто ездить за границу и гостить у родни в Париже. Из воспоминаний Леопольда Люстига следует, что “Жанетт ездила одна на Ривьеру, где познакомилась с князем Радзивиллом, известным мотом. Радзивилл влюбился и даже хотел жениться, но семья отказалась его финансировать, и Жанетт содержала его на деньги Сухестова. Которые князь проигрывал. А поскольку в то же самое время у короля Эдуарда был роман с миссис Симпсон, все газеты только и писали: ‘Виндзор и Симпсон’, ‘Радзивилл и Сухестов’, а газетчики выкрикивали: ‘Сухес-тов, тухес-тов, мазл-тов!’ Газеты наживали на этом состоянии”.

Беньямин Сухестов и после расставания продолжает заботиться о жене и сыне. Он поддерживает с ними постоянный контакт. Учреждает значительный алиментный фонд, который помимо повседневного содержания позволяет жене и сыну отдыхать на европейских курортах. Во время одной из таких поездок, через три года после развода, в 1937-м, на отдыхе в Бад-Гаштайне близ австрийского Зальцбурга Жанетт знакомится с князем Михалом Радзивиллом. Судьбе угодно, чтобы она остановилась в том же отеле “Моцарт”. Курортный городок, расположенный на высоте тысяча метров среди дивных альпийских скал и глубоких ущелий, становится декорацией для зарождающегося романа. Одного из самых громких романов тридцатых годов XX века, включая скандальную связь британского престолонаследника с американкой миссис Симпсон.

К каким же чарам прибегает шестидесятилетний Радзивилл, чтобы покорить тридцатилетнюю Жанетт?

Князь — потомок польского рода Радзивиллов — родился в 1870 году в Берлине и состоит в родстве с Гогенцоллернами. Как и Жанетт, он свободно говорит по-немецки.

Его покойный отец, князь Фердинанд Радзивилл, известный политик и патриот, был депутатом рейхстага и польского сейма. По следам отца пошел младший сын Януш, ольщский ординат, лидер монархистов и консервативного крыла пилсудчиков¹. Но у Михала, который на десять лет старше брата, совсем иные взгляды и другие интересы.

Будучи пшигодзицким ординатом, он вполне успешно просаживает отцовское наследство и, надо признать, обретает в этом немалый опыт. Из-за длинной огненно-рыжей бороды и шевелюры родные и друзья прозвали его “Рыжим” Радзивиллом. Он пользуется репутацией первого эксцентрика и скандалиста Второй Речи Посполитой, считается виновником нескольких громких супружеских скандалов и мезальянсов, о которых постоянно сообщает пресса. Позади у него три неудачных брака, перемежающихся многочисленными романами. Такое поведение не подобает князю-ординату. Не добавляет блеска почтенному роду Радзивиллов. Родственники считают его позором семьи.

Князь с давних пор питает слабость к прекрасному полу. В первый раз — после безумств и шалостей молодости — он идет под венец в 1898 году. Ему двадцать восемь лет. Его избранница — Мария де Бернардаки, дочь русского миллионера Николая Дмитриевича де Бернардаки и знаменитой парижской оперной дивы, Марии. Семья Бернардаки живет в Париже. В их салоне на рю де Шайо собираются аристократы и люди искусства, там бывает Пруст, концертирует Чайковский. Радзивилл кажется им удачным претендентом на руку старшей дочери. Торжественное венчание, достойное княгини, проходит в Петербурге. Однако не всех это устраивает. Радзивиллы боятся, что имение перейдет дочери русского миллионера. После свадьбы Михала постепенно отстраняют от управления фамильной собственностью, опасаясь, как бы он не просадил все на православных наследников.

От этого брака рождаются двое детей, но они не приносят Михалу радости и счастья отцовства. Семейная жизнь все более тяготит князя, и он отправляется на поиски новых любовных приключений.

1. Пилсудчики — с 1918 г. конгломерат политических сторонников Ю. Пилсудского: члены полувоенных организаций, созданных Пилсудским, часть офицерского корпуса, правонационалистическое руководство Польской социалистической партии и др.

Жена страдает, брошенная с двумя маленькими детьми. Она богата, ее красотой годами восхищается Марсель Пруст, увековечивший возлюбленную в романе “В поисках утраченного времени”. Между Марией и Радзивиллом вспыхивают крупные скандалы и даже драки, и Мария принимает решение расстаться с мужем. В конце 1914 года, после долгих лет раздельного проживания, она по своей инициативе получает развод. Князь же находит новую жену — ею становится испанская аристократка Мария-Генриетта Мартинес де Мединилья, маркиза де Санта-Сусанна. Но и этот брак оказывается абсолютно неудачным. Следующей партнершей князя становится сиделка герцога Кентского, англичанка Мэри Аткинсон, сопровождающая герцога во время визита в Польшу. Здесь она знакомится с князем Радзивиллом, и здесь же зарождается очередной союз.

Всем своим избранницам князь со временем демонстрирует грубость, хамство и неуважение, а последняя избранница из-за него покончит с собой.

Роскошная жизнь князя Рыжего, владельца поместья в Антонине, его чрезмерная, бесшабашная расточительность приводят к тому, что он получает прозвище “антонинского магараджи”. Из года в год он просаживает имущество и в конце концов влезает в астрономические долги, обращая графство в руины. На тот момент, когда князь в чарующих альпийских декорациях знакомится с богатой, молодой и красивой Жанетт Сухестов, он полный банкрот, но, несмотря на это, источает ауру состоятельного магната и аристократа. На самом же деле он проклят семьей и признан дегенератом. Однако умудряется очаровать и влюбить в себя Жанетт, которой об этих проблемах ничего неизвестно.

* * *

После отдыха в альпийском Бад-Гапштайне Радзивилл начинает добиваться руки пани Сухестов и приглашает ее на живописный и модный в те годы курорт Крыница Гурска. Они останавливаются в отеле “Патриа”, построенном в 1934 году оперным маэстро Яном Кепурой. Сюда приезжают самые прославленные знаменитости, большей частью — польская аристократия, но бывают и зарубежные гости. Несколькими месяцами ранее, спасаясь от назойливых журналистов, здесь останавливается голландская аристократическая пара, называющая себя “граф и графиня фон Штернберг”. Вскоре выясняется, что это наследники голландского престола принцесса Юлиана и принц Бернард, приехавшие из Гааги, чтобы провести медовый месяц. Новость застает врасплох даже самого владельца отеля Яна Кепуру, который тотчас же прибывает из Парижа вместе с женой, певицей Мартой Эггерт.

В “Патриа” приезжают и князь Радзивилл с прекрасной Жанетт. Их принимают почти как голландскую королевскую чету. Общеизвестно, что аристократия прекрасно проводит здесь время, катаясь на лыжах и санях, охотясь, совершая пешие прогулки на Парковую гору, попивая целебные воды, а по вечерам участвуя в балах и концертах.

Отель, в котором расцветает роман Радзивилла и Жанетт Сухестов, считается в те годы одним из самых современных и самых дорогих в Польше. Его называют визитной карточкой польского модерна в архитектуре. Это — пятиэтажное здание с протянувшимися вдоль всего фасада балконами и с террасой на первом этаже. Фасад украшен колоннами, внутренние помещения отделаны самыми лучшими и самыми дорогими материалами: алебастром, мрамором, деталями из хромированной стали. Здесь имеются лифты, центральное отопление, роскошный ресторан и даже вращающиеся двери. На первом этаже размещается просторная застекленная столовая с окнами на террасу, а на второй этаж ведет роскошная лестница. Однако главной достопримечательностью “Патриа”, несомненно, становится смотровая площадка на крыше.

В таких пышных декорациях, в блестящем обществе, князь Михал Радзивилл, плененный красотой и богатством бывшей жены нефтяного барона, просит ее руки. Предложение принято: Жанетт станет княгиней, женой настоящего князя. После отдыха в Крынице они вместе едут в антонинское поместье Радзивилла планировать бракосочетание и свадьбу. И с этого момента на еврейку из Дрогобыча, претендующую на престол Радзивиллов, обрушивается непрерывный поток сплетен, газетных фальшивок, обвинений и клеветы.

* * *

Жанетт, уже привыкшая к роскоши, живет теперь в Антонине, в деревянном охотничьем дворце Радзивиллов, построенном в XIX веке Антонием Радзивиллом — композитором и инструменталистом, поддерживавшим дружеские отношения с Гёте, Бетховеном и Шопеном, частым гостем антонинского дворца. Жанетт окончила в Германии музыкальную школу и консерваторию, а потому эти имена и семейные предания, в которых фигурирует дед ее избранника, производят на нее гораздо большее впечатление, чем тирольский стиль дворца. Бетховен посвящает Антонию Радзивиллу Именинную увертюру (*Zur Namensfeier, opus 115*), Шопен пишет для него Интродукцию и полонез для виолончели и фортепиано (*opus 3*), Феликс Мендельсон посвящает ему свое первое произведение. Сам Антоний Радзивилл, дед Рыжего, вошел в историю музыки, сочинив первое произведение по “Фаусту” Гёте.

С тех пор как здесь поселилась Жанетт, князь Михал постоянно дает балы и концерты для местной элиты. Большая трехъярусная зала с колоннадой, украшенной охотничьими трофеями, полнится представителями светского общества, которым любопытно взглянуть на новую избранницу князя. Во дворце кипит жизнь, устраиваются приемы и охоты. Князь влюблен без памяти. Поддавшись уговорам возлюбленной, он впервые в жизни соглашается сбрить свою длинную, уже поседевшую бороду. Это меняет его до неузнаваемости, и теперь он выглядит на добрых пятнадцать лет моложе.

* * *

Радзивиллы принимают у себя высоких государственных деятелей. В Беловежской Пуще, в имении, принадлежащем родственнику князя Михала, устраиваются роскошные охоты — в них участвует и заядлый охотник, президент Речи Посполитой Игнацы Мосцицкий. По его приглашению — чтобы улучшить дипломатические отношения — приезжают многочисленные зарубежные правительственные делегации. После 1935 года здесь несколько раз бывает премьер-министр Пруссии Герман Геринг, будущий творец нацистского Третьего рейха. И конечно же, на одной из таких охот в 1937 году присутствует Жанетт Сухестов, которая бегло говорит по-немецки и прекрасно держится в светском обществе. Занимает гостей, выступая с авторскими мини-рециталами. Конечно же, она беседует с Герингом. Конечно же, фотографируется с ним — и одна из этих фотографий в недалеком будущем спасет ей жизнь.

О чем разговаривают нацист, еврейка и ее аристократический жених? Михал Радзивилл, состоящий в родстве с Гогенцоллернами, служил в прусской армии и, вероятно, вспоминает годы своей офицерской службы, а его политические взгляды близки взглядам его немецкого собеседника. Геринг — заядлый охотник — строит планы возрождения вымерших пород животных, в том числе и тех, что обитали когда-то в Беловежской Пуще.

В Пруссии Геринг обогащает свои охотничьи уголья новыми видами лосей и бизонов, вывезенными из Северной Америки. Известно, что он стремится восстановить породу польского тура и прилагает для этого массу усилий. Когда в 1941 году Беловежская Пуща войдет в состав Третьего рейха, он сделает из нее личный охотничий заповедник, обрекая на изгнание и смерть более семи тысяч человек местного населения. Он перевезет сюда, в Белую Вежу, стадо экспериментальных туров из Восточной Пруссии, на которых наверняка не раз будет охотиться. В это же самое время Жанетт сама сделается объектом охоты в дрогобычском гет-

то, а князь Михал подарит охотничий дворец Радзивиллов Адольфу Гитлеру.

* * *

Но вернемся в 1937 год, насыщенный любовными бурями и перипетиями. 24 сентября 1937 года пшигодзицкий отдел гражданского состояния объявляет о помолвке. Это известие вызывает бурю нападок, а брачные планы князя наталкиваются на сопротивление родственников, которым известно о проблемах с расторжением его предыдущего брака. Его обвиняют в двоеженстве. Дело доходит до суда, а пресса выискивает все новые и новые фантастические скандальные материалы. Семья признаёт Радзивилла сумасшедшим. Князь готов ради Жанетт перейти в иудаизм, она ради него — в христианство. В конце концов крещение проводится по восточному обряду, но оказывается недействительным: православная консистория заявляет, что оно проходило с нарушением канонических предписаний. Тем временем пресса перемывает Жанетт косточки.

Среда, 1 декабря 1937 года, Катовице, "Ilustrowany Dziennik Śląski, Polska Zachodnia"

Любовные перипетии старого аристократа, священник не желает крестить его "невесту"

Намеченным браком антонинского ордината не перестают интересоваться самые широкие слои. По этому поводу то и дело появляются новые слухи. Согласно им настоятель в Калише отказался принять п. Сухестов в лоно Римско-католической церкви, основываясь на мнении, что смена исповедания продиктована материальными интересами. В связи с этим п. Сухестов стала хлопотать о крещении в Кракове, рассчитывая, что за пределами познаньского архидиоцеза ей посчастливится больше. Одновременно при посредничестве своего юридического консультанта, адвоката д-ра Рихтера из Львова, она пытается добиться того же во Львове и Дрогобыче. В субботу пани Сухестов уехала из Антонина в неизвестном направлении. Князь Михал находится в своем дворце и никуда не выходит, так как болен гриппом. На фоне внезапного и таинственного отъезда п. Сухестов начинают ходить слухи, что между женихом и невестой возникли разногласия и дело даже дошло до разрыва помолвки. Князь Михал, прислушавшись к мнению прессы о его брачных планах, спохватился и отказался от руки п. Сухестов.

Радзивиллы не желают мириться с очередным браком князя Михала. Разумеется, столь заметный интерес средств массо-

вой информации, скандал, связанный с неурегулированным разводом, обвинение в двоеженстве, происхождение кандидки на роль жены и болезненная расточительность антонинского магараджи не прибавляют роду чести. Да и у самой Жанетт, измученной сложившейся ситуацией, похоже, сдают нервы: она в расстроенных чувствах уезжает из Антонина в неизвестном направлении. Ходят слухи, что их связь переживает кризис. Жанетт, вероятно, уже догадывается, чем закончится этот роман, но слишком много в него вложила — и эмоций, и денег, — чтобы так просто от всего отказаться... Под конец года жених и невеста решают исчезнуть из поля зрения прессы и недоброжелательных родственников.

Среда, 23 декабря 1937 года, Катовице, "Ilustrowany Dziennik Śląski, Polska Zachodnia".

**Болезненная расточительность князя Радзивилла —
достаточное основание, чтобы признать его недееспособным**

Варшава (тел. кор.). По слухам, одной из главных причин, которой руководствовался Окружной суд в Острове-Велькопольском, назначая — до решения вопроса о признании князя Михала Радзивилла недееспособным — временного опекуна в лице бывшего посла Речи Посполитой в Париже графа Хлаповского, стала болезненная расточительность князя Радзивилла. От принудительного управления князю Михалу полагается ежемесячный пансион в размере 5000 злотых. За последнее время он назначил нескольких генеральных поверенных с окладами по 2 тысячи злотых, так что их оклады в сумме перекрыли квоту 5 тыс. зл. пансиона князя. Счета за телефон в антонинском дворце доходили до двух тысяч злотых в месяц, эта сумма складывалась из многочисленных разговоров, которые князь и пани Сухестов вели с адвокатами. Опекун князя граф Хлаповский велел отключить во дворце телефон. Как мы уже сообщали, князь Михал Радзивилл в настоящий момент находится в Монте-Карло, где в самое ближайшее время собирается вступить в брак. В нынешней ситуации это весьма затруднительно, поскольку опекун князя разослал во все консульства Р. П. во Франции уведомления о том, что он возражает против брака, на что, будучи опекуном, имеет полное право. Остается еще возможность зарегистрировать гражданский брак в каком-либо из французских отделов гражданского состояния, но и это непросто, ибо закон требует более длительного пребывания на французских землях. С другой стороны, граф Хлаповский потребовал от князя Радзивилла незамедлительно вернуться на родину. Если это случится, князь будет интернирован в антонинский дворец вплоть до решения суда по делу о признании его недееспособным. Бывший муж невесты князя Михала п. Беньямин Сухестов, уже не-

сколько недель пребывавший в Вене, недавно в спешном порядке выехал на Французскую Ривьеру. Говорят, что п. Сухестов приглашен на свадьбу своей бывшей жены с князем Михалом.

Пресса полнится противоречивой информацией. Роман становится поводом для грубых публичных шуток. Бенямин Сухестов, бывший муж Жанетт, спешно выезжает из Вены в Монте-Карло, чтобы убедить экс-жену в бессмысленности этой связи. Вероятно, он оказывает ей помощь, вытягивая из финансовых передраг, в которые та угодила с расточительным князем. Новогодние вертепы¹ — краковский “У Гавелки” в программе “При закрытых дверях” и варшавский “Chorque politique” в постановке Святопелка Карпинского — представляют в своей сатирической программе кукол, изображающих князя и его еврейскую невесту. Жанетт становится национальной знаменитостью.

Новый год приносит новые сенсационные известия.

Суббота, 12 марта 1938 года, “Goniec Częstochowski. Dziennik Polityczny, Społeczny, Ekonomiczny i Literacki”

Князь М. Радзивилл и пани Сухестов снимутся в кино?

Одна из газет сообщает из Монте-Карло, где в данный момент находится герой громкого дела вместе со своей невестой Жанетт Сухестов, что оба они недавно получили предложение от некоей киностудии сыграть главные роли в фильме, созданном на основе их жизни и любви. После долгих размышлений князь Радзивилл принял предложение, и, прежде всего, потому, что не получает в последнее время обещанных квот от принудительного управления его имуществом. Говорят, что сценарий фильма о любви князя Радзивилла и Жанетт Сухестов и его конфликте с родней, уже написан и будет озвучен по-английски и по-французски. Оказывается, п. Жанетт Сухестов давно мечтала о кинокарьере, а недавно на несколько дней ездила в Париж для более подробного обсуждения будущей роли. Помимо влюбленной пары в фильме должен фигурировать также брат князя Радзивилла, князь Януш Радзивилл, которого сыграет некий испанец, а кроме того, первая жена князя Михала Радзивилла г-жа Бернардаки, ее отец, дочь князя Михала (графиня Леонтина Скужевская) и второй его брат, князь Радзивилл из Нагловице. Съемки этого остросюжетного фильма вызвали огромный интерес не только среди знакомых князя, но и во

1. Здесь: кукольный театр в народном стиле.

всем кинематографическом мире, а также, разумеется, в светских кругах.

[240]

ил 4/2018

К сожалению, до экранизации дело так и не доходит, а бесчисленные проблемы с заключением брака постепенно охлаждают пыл обретающихся во Франции любовников. Зато на родине происходит трагическое и вместе с тем забавное событие, отголоски которого слышны еще несколько месяцев.

Пятница, 4 марта 1938 года, "Kurier Gazeta Gdańska".

Гангстеры потребовали от князя Михала 4 000 злотых, угрожая похищением пани Сухестов. Сенсационная погоня за бандитами

Варшава (тел. кор.). Несколько дней назад варшавская полиция напала на след шайки гангстеров, которые по американскому образцу попытались счастья в вымогательстве выкупов. Князь Михал Радзивилл получил письмо, в котором гангстеры требуют выкуп в размере 4000 зл., угрожая похитить его невесту, скандально известную еврейку п. Сухестов. Полиция незамедлительно приступила к расследованию по раскрытию шайки варшавских киднепперов. Гангстеры тем временем обратились с письмом к варшавскому помещику п. Годлевскому, угрожая похитить его сына, если они не получат 5 000 зл. Пан Годлевский сообщил об этом в полицию. Поэтому, когда вчера в почтовое отделение явился некто за ожидаемой пачкой денег, полиция была уже на месте. Увидев, что его выследили, неизвестный обратился в бегство и, выбежав из здания почты, вскочил в авто, в котором бандита ждал сообщник. Машина на полной скорости рванула с места в сторону Центрального вокзала, а за ней устремилась полицейская погоня. Оставив авто перед вокзалом, гангстеры промчались через зал и дальше, по лестнице, к нижним перронам, где вскочили в отходивший международный поезд Варшава-Берлин-Париж. Один из участвовавших в погоне агентов успел ухватиться за поручень вагона, когда поезд уже набирал скорость. Остальные полицейские незамедлительно выехали на машине в сторону Кутно, чтобы перерезать путь гангстерам. Полицейская машина прибыла в Кутно за пять минут до международного состава. Полицейские тут же окружили вагон, в котором находились гангстеры. Тем временем агент перекрыл двери поезда. Видя, что выхода нет, осажденные головорезы сдались без сопротивления. Полиция обнаружила у них два пистолета, запас патронов и билеты до заграничных станций. Гангстерами оказались 19-летний Клопинский из Варшавы и 20-летний работник умственного труда Вишневский из Милянубека. Во время обыска у них в домах обнару-

жены списки богатых варшавян, которым они отправили либо собирались отправить письма с требованием выкупа.

Суббота, 11 июня 1938 года, Лодзь, "Ilustrowana Republika"

[241]

ИЛ 4/2018

Они угрожали убить пани Сухестов. Необычный процесс двух юных шантажистов, обратившихся с угрозами к князю Михалу Радзивиллу

Варшава, 10 июня. Роман князя Михала Радзивилла с п. Сухестов завершился, но его отголоски слышатся в процессе, открывшемся сегодня в Варшавском окружном суде. На скамью подсудимых сели Стефан Вишневецкий и Веслав Ключинский, оба ранее судимые за кражи. В декабре минувшего года они отправили заказное письмо князю Михалу Радзивиллу в Антонин. Поскольку адресат в Антонине отсутствовал, письмо вернулось в почтовое отделение и было вскрыто ввиду отсутствия на конверте адреса отправителя. Содержание письма оказалось прямо-таки сенсационным. Авторы послания, которые подписались "Organisation of a Secret Sekt legion of deth"¹, сопроводив сие таинственное название изображением черепа с костями, потребовали от князя выплаты 4 000 зл., угрожая в противном случае убить п. Сухестов. "Мы готовы на все, — гласило письмо. — Если светлейший князь оставит это предупреждение без внимания, мы будем беспощадны и получим удовлетворение от тех потрясающих эмоций, которые мы испытаем, когда прекрасная пани Жанетт обагрится алой кровью". Авторов письма в ходе расследования установить не удалось. И только в феврале сего года варшавский предприниматель Станислав Годлевский получил похожее послание с требованием 5 000 зл. под угрозой убийства его сына. Деньги следовало положить в чемодан, который п. Годлевский должен был оставить в камере хранения на Варшавском центральном вокзале, а квитанцию выслать до востребования на ящик "Nasz Ambasador Eight 86g C". Уведомленная об этом полиция поручила п. Годлевскому сделать вид, будто он выполнил требование, а когда шантажисты, которыми оказались Вишневецкий и Ключинский, явились в камеру хранения, их арестовали. Сейчас юные шантажисты находятся под судом.

Юные гангстеры, очевидно, не слишком хорошо ориентируются в текущей ситуации и не отличаются смекалкой. Неужто они не читали газет? Ведь сообщения о том, что князь с Жанетт находятся в Монте-Карло, пресса помещает на первые полосы! Несостоявшаяся жертва заговора, кото-

1. "Организация тайной секты легион смерти" — по-английски, с орфографическими ошибками.

рая должна обогреться кровью, если князь не заплатит выкуп. Это известие наверняка доходит до Жанетт, но не оно лишает ее сна и покоя. В ее жизни происходит нечто неожиданное и неприятное. То, что положит конец ее связи с князем. “Рыжий” Радзивилл уходит к другой.

4 апреля 1938 года в “Orędownik Ostrowski” читаем.

Князь Радзивилл бросил пани Сухестов, оставив ее без гроша

Поверенные князя Радзивилла получили телеграммы и письма от пани Сухестов из Парижа с просьбой выслать ей денег. Как следует из писем пани Сухестов, князь Михал Радзивилл, проживавший вместе с ней некоторое время в парижском “Гранд-отеле”, несколько дней назад внезапно уехал, не сообщив, куда направляется. Пани Сухестов оказалась в стесненном финансовом положении, без денег, а кроме того, князь не урегулировал свои предыдущие счета. Невеста князя Радзивилла прилагает все усилия, чтобы получить из Польши деньги.

Среда, 4 мая 1938 года, “Orędownik Ostrowski”.

<...> На Французской Ривьере князь Радзивилл встретил, по слухам, свою давнюю знакомую, югославскую княгиню Драгу, которая заверила его, что всегда ему очень рада, и просила в случае каких-либо проблем обращаться к ней за помощью. Через некоторое время князь Михал Радзивилл вместе с пани Сухестов прибыл в Париж и поселился в одном из отелей. Несколько дней спустя личный секретарь княгини Драги был разбужен среди ночи телефонным звонком князя Михала, попросившего секретаря срочно приехать к нему в отель. Секретарь княгини Драги, француз, поехал на машине в отель, где застал князя Михала в пальто, наброшенном поверх пижамы и ночных панталон, всего в синяках и в крови от множества ссадин. Князь сказал, что его избил п. Жанетт, и попросил секретаря, чтобы тот его увез. Тот незамедлительно исполнил просьбу князя. Кн. Михал, как был в пальто, наброшенном поверх пижамы, покинул отель и поехал в особняк княгини Драги в пригороде Парижа, где поселился в качестве ее гостя. Пани Жанетт Сухестов, оставленная без денег даже на то, чтобы оплатить гостиничный счет, стала, с одной стороны, сигнализировать поверенному князя на родине, чтобы тот выслал ей денег, а с другой — приступила к энергичным поискам князя. Поиски завершились успехом, пани Жанетт нашла, где скрывается князь Михал, и тут же туда направилась, однако прислуга не пустила ее в особняк. После парижских переживаний князь Михал Радзивилл не желает больше видеть бывшую любовницу, ради завоевания которой не останавливался ни перед какими жертвами.

Увы, связь с Радзивиллом не выдержала испытания временем. Его любовь к Жанетт прошла, когда исчерпались ее финансы. Многочисленные попытки заключить брак как в Польше, так и за рубежом безуспешны. Журналисты неустанно выискивают новые сенсации, привлекая читателей и увеличивая тиражи своих газет.

Князь находит другой объект вожделения и поспешно уносит ноги от опасной связи. Он обретает утешение в “чувстве”, которым дарит “вдову австралийского торговца алмазами”. Новая избранница Радзивилла — пожилая английская леди миссис Харриэт Стюарт Доусон. И тут впервые берет слово сама пострадавшая, Жанетт Сухестов.

Пятница, 27 мая 1939 года, “Ilustrowany Dziennik Śląski, Polska Zachodnia”.

Интервью с брошенной пани Сухестов. Она предъявляет князю Радзивиллу иск на 2,5 миллиона злотых

Варшава. Одна из варшавских газет опубликовала интервью с пани Жанетт Сухестов. Сегодня вечером мы вторично связались по телефону с пани Сухестов. Несостоявшаяся княгиня Радзивилл переехала с ул. Маркаде в маленькую гостиницу на Монмартре.

— Князь продался, — говорит взволнованным голосом пани Сухестов. — Миссис Доусон обещала ему, если он на ней женится, комфортную, беззаботную жизнь и деньги. Князь не хотел возвращаться в Польшу, там его поджидали кредиторы, он предпочел жениться на старой англичанке. Я в ужасной ситуации. Я отдала князю все свое состояние. Продала ради него все драгоценности стоимостью 50 тысяч злотых. У него ведь даже на такси не было. Миссис Доусон похитила князя из Парижа. В Монте-Карло она поручилась за неоплаченный счет в отеле, а по прибытии в Париж ездила за нами, постоянно угрожала тем, что полиция его арестует за долги. Князь этого очень боялся. Она это ему повторяла ежедневно. В конце концов, он уступил. Ночью, когда я спала, он сбежал из своего номера, находившегося на другом этаже. Миссис Доусон тут же увезла его в Лондон и там ни на шаг от себя не отпускала. Если теперь князь утверждает, что никогда не любил меня, то он лжет. Он ни разу не сказал ни слова правды. Это самый большой его недостаток. Сколько раз он мне повторял, что терпеть не может старух, что никогда не женится ради денег, — продолжает взволнованным голосом пани Сухестов. — А впрочем, миссис Доусон он тоже обманывает. Сказал ей, что он миллионер, что у него 50 000 фунтов годового дохода. Миссис Доусон отправила своего сына в Польшу на разведку, тут-то все и раскрылось. У князя ведь нет ничего, кроме долгов. Миссис Доусон, по слухам, теперь уже заявляет, что у

нее нет столько денег, чтобы содержать князя. Говорят, она вовсе не так богата.

— Собираетесь ли вы подавать на князя в суд?

— Да. И на князя, и на миссис Доусон. На 50 000 фунтов (два с половиной миллиона злотых) на каждого из них. У меня уже есть в Лондоне адвокат. Я хлопочу о визе. В самые ближайшие дни я еду в Лондон.

На этом пани Сухестов завершает свои жалобы.

10 января 1939 года, "Echo Białostockie".

В Лондоне открылся процесс пани Сухестов против князя Радзивилла

Лондон. 7.1. Сегодня в Лондонском суде в Кекстон-холле открылся сенсационный процесс, инициированный пани Сухестов против 69-летнего князя Михала Радзивилла о нарушении брачных обязательств.

Пани Жанетт Сухестов, которая уже несколько недель находится в Лондоне, появилась в зале суда.

— Я верю, что выиграю. Князь должен мне заплатить за свое бесчестное поведение, — заявила прекрасная истица множеству собравшихся журналистов. Процесс был отложен на несколько дней.

Князю, парадоксальным образом, помогают его родственники, которые по-прежнему хлопочут в польских судах о признании его недееспособным. Финансов миссис Доусон, его новой невесты, вполне хватает на жизнь. После лондонского поражения Жанетт, сломленная и расстроенная, возвращается в Дрогобыч. Но как после всего случившегося вернуться к нормальной жизни?

18 августа 1939 года, "Orędownik Ostrowski".

Жанетт Сухестов хочет петь

И. К. Ц.¹ пишет: с недавних пор в Варшаве находится пани Жанетт Сухестов, которая по возвращении из-за границы провела несколько недель с сыном в Дрогобыче, а затем на курорте в Трускавце.

— Должна сказать, что пребывание в Дрогобыче и особенно в Трускавце не было приятным. Я не могла даже просто пройти по улице в Дрогобыче или прогуляться по аллее в Трускавце, не привлекая тол-

1. "Ilustrowany Kurier Codzienny".

пу народу, — говорит пани Сухестов нашему корреспонденту. — Весть о том, что я в Трускавце, быстро разлетелась по Кракову, Львову и Варшаве, где у меня много знакомых. Дошло даже до того, что людей, отправляющихся на этот курорт, предупреждали о трускавецкой “сенсации”. Меня разглядывали со всех сторон, как диковинную зверушку, и я слышала громкие возгласы: “Смотри-ка, та самая Сухестов... и вовсе она не такая красавица... да что ты, мне она очень нравится”. Или: “Ноги у нее явно чересчур худые”. — “А я и не заметил, она очень породистая и стройная” и т. д. Просто до тошноты! Проклятие популярности, — говорит она, — оно отравляет жизнь всем, кто по той или иной причине вызывает интерес публики. Вы правы, эта популярность — истинное проклятие. Я всегда вела очень тихую и уединенную жизнь. Жила в Кракове с сыном, а потом, после знакомства в Бад-Гаштайне с князем Радзивиллом, началась эта слишком громкая и неприятная история. Сейчас я стараюсь избавиться от тягостных воспоминаний и начать новую жизнь. Правда, меня ждет еще одно нелегкое испытание, но оно неизбежно, чтобы окончательно и бесповоротно покончить с этой печальной историей... Я понесла не только крупный материальный ущерб, но прежде всего — моральный. В моей ситуации дело может прояснить только судебный процесс. Так пусть все будет выяснено беспристрастно и впервые сообразно с реальностью. Я подала иск в лондонский суд против князя Радзивилла, когда он находился в Англии. Теперь, когда князь решил вернуться на родину, я возбужу против него дело в польском суде. Речь идет не о нарушении брачных обязательств, а — как я уже отметила — о связанном с этим моральном и материальном ущербе.

— Вы хотите начать новую жизнь... какие у вас планы на ближайшее будущее?

— Говорят, у меня неплохой голос. Я несколько лет обучалась пению. Давно, еще перед замужеством, когда жила с родителями в Германии, — у Эмми Клебагруд и Гараса в Берлине, после — в венской консерватории. А недавно в Париже была ученицей проф. Корнера, наставника самых прославленных на сегодняшний день певцов. Я несколько раз выступала на публике, правда, до сих пор лишь в благотворительных концертах. Теперь я серьезно подумываю об артистической карьере. Хочу стать певицей. Сейчас, конечно, трудно сказать что-то определенное о жанре моей будущей работы; опера, оперетта или концертная эстрада. Я уже решила на первое серьезное испытание, которое состоится в середине октября в Варшаве.

Жанетт пытается собраться с силами после всех горьких бед и поражений. Она — зрелая женщина и чувствует, что жизнь по-прежнему открыта перед ней. Она принимает новые решения. Не дает пощады князю и хочет предъявить ему через польский суд новый иск о моральном и материальном ущербе. К ней постепенно возвращается душевное равнове-

сие, она планирует свое будущее и артистическую карьеру. Хочет воплотить мечты юности. Может рассчитывать на финансовую поддержку бывшего мужа. Ее первое серьезное выступление должно состояться в октябре 1939 года. Но, увы, — 1 сентября гитлеровская Германия нападает на Польшу. Ни одно из двух решений Жанетт не будет реализовано. Радзивилл сбежит из страны, подарив обещанный Жанетт антонинский дворец Адольфу Гитлеру, а запланированное выступление на варшавских подмостках и великая карьера певицы так и не осуществятся. Настанут времена, которых Жанетт Сухестов не могла вообразить даже в самом кошмарном сне.

* * *

Я задаюсь вопросом, задумывалась ли хоть раз Жанетт Сухестов в ходе своих любовных перипетий о том, что чувствует ее одиннадцатилетний сын Эммануэль, оставленный в Дрогобыче. Ведь все эти новости не обходят стороной город, в котором Эдя Сухестов живет и ходит в школу. Эдя — вежливый, спокойный и тихий мальчик, довольно высокий для своих лет. Сохранилась фотография, на которой он прижимается к маме, обнимая ее голову: ухоженное лицо, красивая укладка. Оба они счастливые и улыбающиеся. Эдя в свежewe-глаженной рубашке с тщательно повязанным галстуком, волосы ровно подстрижены и зачесаны влево на косой пробор.

В 2012 году я была в Дрогобыче на Фестивале Бруно Шульца — представляла там выставку, на которой среди прочих была фотография Жанетт Сухестов. Я увеличила ее в натуральную величину и поставила на траве в дворцовом парке виллы Бианки. Первый появившийся посетитель долго разглядывал снимок Жанетт. Потом посмотрел на меня и сказал: “Я знал эту пани”. Так я познакомилась с Эрвином, сыном Бертольда Шенкельбаха, дрогобычского фотографа и близкого друга Бруно Шульца. Вскоре после этого я получила имейл:

Что касается Сухестовых, вот кое-какая информация.

Эдик был моим одноклассником. Это был на редкость высокий мальчик, в буквальном смысле слова гигант, переросший всех нас — его ровесников — не меньше, чем на голову. Мы год учились вместе с ним в “Белой” начальной школе на Мицкевича. Мои родители дружили с Сухестовыми, и мы с Эдей были давно знакомы. Они жили на улице Ивана Франко, рядом с Мицкевича. Когда я к нему заходил, то всегда восхищался его комнатой, одной из многих в огромном доме, полной невероятного количества безумно дорогих игрушек, которыми его задаривали родители. Теперь что касается его матери Юдиты. Во время оккупации было общеизвестно, что благодаря прекрасным отношениям с гестаповцами она единственная во

всем Дрогобыче имела право носить меха, тогда как другим еврейкам за это грозила смертная казнь. Насколько мне известно, она пережила войну. Эдик погиб. Больше я о них ничего не знаю.

В уже цитировавшейся выше книге “Дрогобыч, Дрогобыч” Леопольд Люстиг тоже вспоминает сына Жанетт: “В конце концов, Эдуарду пришлось отречься от престола, а Радзивиллу — от Жанетт Сухестов, и она вернулась в Дрогобыч. Старик Сухестов ее простил — а что еще ему оставалось делать? Практичный еврей, что бы он выиграл, если б не простил ее? Их сын, Эдя, младше меня, был необычайно умен и начитан, Тоня учила его играть на фортепьяно. Большевики у них все отобрали и велели им как классовым врагам убираться из города. Жанетт стала певицей, ничего особенного, но она обладала приятным голоском, по-прежнему была очень привлекательна, и ею увлекся один высокопоставленный большевик, поэтому их и не вывезли. Пришли немцы, и тогда Жанетт, дипломированная стенографистка с родным немецким языком, стала секретаршей директора нефтеперерабатывающего завода Гёхтсманна — это самый привилегированный класс”.

* * *

В июле 1941 года немецкие войска, вытесняя русских, вступают в Дрогобыч. Несколько месяцев спустя, осенью, гитлеровцы устраивают в городе еврейское гетто. Так же как и ближайшие родственники Бруно Шульца, семья Жанетт Сухестов вынуждена поселиться в гетто. Их размещают на улице Гарнцарской, 6А, в центральной части гетто. По воспоминаниям пани Чехановской, Жанетт, превосходно владеющая немецким языком, работает на немцев в качестве секретарши и переводчицы у доктора Хагера в Дрогобыче и во Львове. Она единственная работает и содержит семью. Бенъямин и Эдя болеют. Леопольд Люстиг вспоминает: “Он умирал от рака горла, она с ним сидела по вечерам. Пришел Габриэль, венец с большим красным носом, посмотреть, кто тут arbeituntauglich — непригодный для работы, а Сухестов лежит немой и уже не может двигаться. ‘Либо ты что-нибудь с ним сделаешь, либо придется мне’. <...> Сухестов не мог говорить, но написал ей и Эде прощальное письмо, и в ту же ночь она дала ему цианистый калий. Получила разрешение отвезти его на кладбище на телеге. Я пошел с ними, чтобы его закопать. Мне помогал возница, у Эди был туберкулез, и он мало что мог. <...> Мы похоронили Сухестова на центральной аллее рядом с семьей”.

Могут ли чувствовать себя привилегированным классом, как назвал их Люстиг, немецкоязычная еврейка Жанетт Сухестов и протеже гестаповца Феликса Ландау, еврей Бруно

Шульц, тоже безукоризненно владеющий немецким языком? Время покажет, что нет. Бруно Шульц будет убит выстрелом в голову на улице дрогобычского гетто. Жанетт попадет в концлагерь Плашув, а затем в лагерь смерти Аушвиц.

* * *

Плашувский лагерь принудительных работ, впоследствии преобразованный в концентрационный, прославился благодаря фильму Стивена Спилберга “Список Шиндлера”. Лагерь организован на краковских Кшемёнках осенью 1942 года. Он находился близ датируемого VII веком кургана Крака, мифического основателя города, и бывших каменоломен Либан, вошедших в его территорию, — там нацисты создают каторжный лагерь для поляков. После ликвидации краковского гетто, в середине марта 1943 года, туда попадают около восьми тысяч евреев, отобранных как пригодные для работы. Остальное население гетто вывозят в газовые камеры. Останки убитых на улицах закапывают в общих могилах на территории лагеря. Руководит им на редкость жестокий выродок, нацистский офицер Амон Гёт. Вместе с восемью тысячами евреев туда попадает молодая девушка Халина Нелькен, которая в течение всего периода оккупации тайно ведет дневник. Именно благодаря ее воспоминаниям я могу проследить дальнейшую участь Жанетт Сухестов.

После ликвидации дрогобычского гетто, массовых казней и отправок в лагерь уничтожения, из Борислава и Дрогобыча в апреле—июле 1943 года вывозят оставшихся евреев. В одном из последних эшелонов, в грязном телячьем вагоне едет Жанетт Сухестов. В Дрогобыче ей удается избежать смерти благодаря тому, что она выполняет работу для немцев. Удастся уберечь любимого сынишку Эдю. Описание первых минут Жанетт после депортации из Дрогобыча в Краков я нашла в лагерных воспоминаниях Халины Нелькен¹:

Теперь я стояла на апеле с группой служащих комендатуры и уборщиц высокопоставленных эсэсовцев. Апельплац поднимался в гору, к женским баракам, и спускался вниз к дороге, окружавшей “Хуёву горку”, где проводились казни. <...> Лагерь занимался ликвидацией имущества ликвидированных. То, что получше, забирали себе эсэсовцы, остатки надо было сортировать и отправлять в Рейх. Немецкое помешательство на вечном отборе и подсчете. Единственным занятием эсэсовцев были казни и постоянные апеллы.

1. Halina Nelken. Pamiętnik z getta w Krakowie. Toronto, 1987, s. 282–283.

Инфирмерия (лагерная больница) находилась внизу, и там мы управлялись вдвоем, уборщица и секретарша — недавно прибывшая из Дрогобыча Жанетт Сухестов, польская “миссис Симпсон”. Она была крупная, темпераментная, очень красивая и вся в ореоле знаменитого долгого романа с известнейшим польским аристократом. “Рыжий” князь Радзивилл потерял голову из-за прекрасной жены богатого пана Сухестова из Дрогобыча. Жанетт показала мне фотографии из Беловежи — в охотничьем костюме, между князем и Герингом, в окружении известнейших аристократов со всего мира. Этот снимок вызывал невероятное уважение у гитлеровских чинов. Клара мне рассказывала, что в Плашуву Жанетт выделили сразу по прибытии и на глазах у всех приказали Frau GrafIn (госпоже графине) возить навоз. Без единого слова, без спешки Жанетт загрузила лопатой полную тачку и, гордо подняв голову, глядя прямо перед собой, продефилировала как королева, так что даже эсэсовцам было уже не до смеха. Тогда Бланке и забрал ее в инфирмерию. К несчастью, ее сын, которому было 15 лет, трудился сверх всякой меры. Летом его вывезли в Австрию, и он погиб на каменоломнях Маутхаузена.

В Плашуву сорокалетняя Жанетт Сухестов работает секретаршей и стенографисткой доктора Бланке, главного лагерного врача. Каждый день после апеля она вместе с молодой уборщицей Халинкой Нелькен идет в инфирмерию. Доктор Бланке бывает тут редко, лечение не входит в его обязанности. Он занимается селекцией. Инфирмерией руководит вместе с несколькими молодыми эсэсовцами шарфюрер Герман Буттнер. Ни один из них не имеет медицинского образования, а за больных отвечает прибывший из Аушвица польский заключенный, он разбирается в лекарствах и умеет перевязывать раны. Халина и Жанетт узнают от него об ужасах, творящихся в лагере смерти. По Плашуву ходят слухи, и люди не в состоянии в них поверить. На многочисленные вопросы, что там происходит, заключенный отвечает: “Лучше не спрашивайте. И чтоб вам никогда там не оказаться!”

Это высказанное вслух пожелание, увы, не сбудется. Они поедут туда обе, одним и тем же эшеленом в 1944 году, но пока они живут в одном из множества барачков, поставленных на месте двух кладбищ, оскверненных по приказу немцев. Еврейские мацевы¹ образуют тротуар у входа в комендатуру. Жанетт с Халиной ступают по ним каждый день по пути от барака на работу. Проходят мимо “Хуёвой горки”, где эсэовец Хуйяр надзирает за казнями заключенных из Монтелюпих², скры-

1. Мацева — на еврейских кладбищах памятный камень на могиле усопшего.
2. Тюрёма гестапо, находившаяся на улице Монтелюпих в Кракове.

вающихся евреев, поляков из окрестных городков. После серии винтовочных выстрелов он присыпает еще шевелящиеся тела землей. Жанетт печатает на машинке свидетельства о смерти, которые подписывает шарфюрер Герман Буттнер. Другие работники инfirmерии, молодые “медики”, эсэсовцы, участвуют в проведении казней. За так называемое “активное участие” получают водку в больших количествах.

В бараке нары Жанетт рядом с нарами Халины. Однажды летом 1944 года мать Халины определили в эшелон смерти. Дочь в отчаянии, рискуя жизнью, мчится ее спасать. Среди эсэсовцев, надзирающих за акцией, грозный Амон Гёт, д-р Бланке и Буттнер из инfirmерии. Благодаря Буттнеру Регина Нелькен, мать Халины, возвращается в барак. Тут Жанетт замечает, что женщина полураздета, в одной рубашке, — надо ей помочь. Халина берет у Жанетт папиросы, мыло и два помидора, которые они тайком получают от Буттнера, и идет в другие бараки обменивать на юбку для матери. Похоже на то, что шарфюрер Герман Буттнер опекает своих работниц.

1 августа 1944 года вспыхивает Варшавское восстание. Русские продвигаются на запад. Политическая ситуация меняется со дня на день. В Плашув Амон Гёт приступает к акции уничтожения тех, кто слишком много знает о его грабежах еврейского имущества. В сентябре и октябре все чаще уходят эшелоны в Аушвиц, Гросс-Розен и другие концентрационные лагеря. Плашув готовится к ликвидации, большая часть барачников уже разобрана. Немцы уничтожают следы преступления. 21 октября 1944 на апеле в опустевшем лагере стоят пятерками около двух тысяч женщин. Каждая держит узелок с ложкой, расческой, зубной щеткой, котелком, ножиком, сменой белья и краюхой хлеба. Это все, что у них есть, — в Аушвице отберут и это. Среди них Халина Нелькен и Жанетт Сухестов. Их отправляют в лагерь смерти.

Только на лицах тех, кто едет эшелоном в Бренец¹, видна тень надежды. Это группа “Schindler-Juden” с фабрики эмали Оскара Шиндлера, среди них Хильда Бергер из Борислава, приятельница убитых Анны Плоцкер и Бруно Шульца.

* * *

Жанетт, Халина, ее мать и младшая сестра заходят в вагон, который направляется в Аушвиц. В сумерки добираются до места. Истерический лай собак, крики “гаус!”². Печные трубы.

1. Бренец (немецкий Брюнлиц) — городок в Моравии. В 1944 г. Шиндлеру удалось вывезти туда тысячу своих подопечных и тем самым спасти их от смерти.

2. Выходить! (нем.)

Всю морозную, снежную октябрьскую ночь они проводят под открытым небом, ожидая своей очереди в баню. Под утро немец с дубинкой загоняет их как скот в большой зал. Они стоят нагие, выстроенные для селекции. В дверях бог смерти Менгеле указывает пальцем: на жизнь, на смерть. Нагие, они входят в туннель. Мужчины в полосатых арестантских робах бреют их — всех и везде. Выходят. Позади захлопываются двери. Женщины стоят неподвижно. Ждут, когда пойдет газ, циклон Б.

Каким же должно было быть их счастье, когда из кранов под потолком потекла животворящая вода. На выходе из душа заключенные бросают им одежду. Халине достаются две блузы от мужской пижамы, носки и ажурная скатерть. Жанетт стоит в потрепанном платье, совершенно неузнаваемая. Так же как и другие, она получает тяжелые “гольцшуге” — башмаки, выточенные из сырой древесины.

Их гонят палками дальше, к бараку.

* * *

Жанетт переживет этот кошмар. Она обязана жизнью многим неожиданным стечениям обстоятельств. В том числе и некоему снимку давно минувшей эпохи, где она, элегантная, изысканная дама, позирует рядом с аристократом — князем Радзивиллом. На этом снимке она стоит в роскошном охотничьем костюме между князем и Германом Герингом, правой рукой Гитлера, который 31 июля 1941 года подписал документ об “окончательном решении еврейского вопроса в Европе”, утвержденный конференцией в Ванзее.

После войны Жанетт Сухестов будет жить в Нью-Йорке. Все ее ближайшие родственники — сын, муж и родные братья — погибли.